

ОПАСНЫЕ СТРАСТИ

ОСТРОСЮЖЕТНЫЕ
МЕЛОДРАМЫ

Читайте криминальные
мелодрамы
Дарьи Кожевниковой

Исповедь Цирцеи
Если это судьба
Ангелы далеко
Завтра на двоих
Стеклянное сердце
Охота на лесную нимфу
День из чужой жизни
Любовь убитой Снегурочки
Побег в пустоту
Опасный танец втроем
Ночь падших ангелов
Поцелуй отложенной смерти

ДАРЬЯ КОЖЕВНИКОВА

ПОЦЕЛУЙ
ОТЛОЖЕННОЙ
СМЕРТИ

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К58

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Оформление серии *С. Курбатова*

Редактор серии *А. Антонова*

Кожевникова, Дарья Сергеевна.
К58 Поцелуй отложенной смерти / Дарья
Кожевникова. — Москва : Эксмо, 2020. —
320 с. — (Опасные страсти. Остросюжет-
ные мелодрамы).

ISBN 978-5-04-115509-4

Лиза никак не хотела принимать такой дорогой подарок — роскошные серьги из фамильной коллекции драгоценностей Устиньи Павловны, но и огорчать старушку не хотелось. За короткое время они очень подружились, ведь, кроме собачки Туси, у Устиньи Павловны никого не осталось, а Лиза ухаживала за ней в больнице. Сын пожилой женщины погиб много лет назад, невестка ушла, а единственный внук угодил в тюрьму. Только коллекция уникальных драгоценностей скрашивала ей одинокую старость. Именно из-за нее Устинью Павловну и убили, а сама Лиза оказалась втянута в криминальные неприятности...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-115509-4

© Кожевникова Д.С., 2020
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2020

1

Пожилая женщина сделала глоток чая, поставила тонкую фарфоровую чашку на блюдце. И покачала головой, обращаясь к своей куда более молодой собеседнице:

— Нет, Лизонька, ты как хочешь, а я тебе скажу, что молодость и мудрость — вещи несовместимые. Будь молодой человек хоть семи пядей во лбу! Потому что дело не в его умственных способностях. Мудрость — она копится, как пласты горных пород, или приходит, как шрамы после ран: только с жизненным опытом. Надо многое пережить, пропустить через себя, все это прочувствовать. И вот тогда ты начнешь понимать этот мир по-другому, иногда даже словно бы изнутри. Перемоловшись и слившись с ним. И всех людей, со всеми их слабостями и горестями, начнешь воспринимать совершенно иначе... Но что я об этом с тобой сейчас говорю! Лет после сорока да с хорошим хвостиком ты меня вспомнишь и сама

поймешь, что я имела в виду! А пока тебе сколько? Пока тебе всего двадцать девять!

— Тридцать, — тихонько поправила Лиза.

— Как?! Уже?! — женщина заметно смутилась. — Подожди-ка, какое у нас сегодня число?! Боже мой, боже!!! Как неудобно! Лизонька, поверь, я ведь помнила! Ах, как же я так!? Вот оно, пенсионное существование! Помнишь, когда у твоих дорогих людей дни рождения, но совершенно не помнишь, в каком из дней ты живешь! Ах ты, господи!

— Устинья Павловна, да будет вам, — Лиза накрыла ее руку своей. — Провела я этот день на работе, дежурила сутки. Так что торжественности в нем не было ни под каким углом. Еще и смена была из таких, что день можно считать за два. Телефон разрывался — думала, уползет из кармана от вибрации, но ответить возможности не было. Впопыхах тортик замяли с девчонками, уже на ночь глядя — вот и весь праздник.

— Нет, но я-то как оплошала!

— Ну хватит вам, правда, не стоит расстраиваться! А то сейчас накрутите себя, давление подскочит. А нам ведь этого не надо, правда?

Устинья Павловна улыбнулась:

— Лизонька, не хитри! И леший с ним, с давлением этим! Ты же знаешь, как я ненавижу, когда кто-то над ним трясется, перемеривая по сто раз на дню!.. Ты знаешь что? Сбегай-ка вниз, купи нам тортика! Хоть так отметим... А я тебе пока подарок достану, он у меня давно уж готов! Я так решила,

что подарю именно это и именно тебе, на твой юбилей.

Лиза вздохнула: ну к чему все это?! Однако спорить не стала. Тем более что и кафе, в которое ее отсылали, было в этом же доме, на первом этаже. Только спуститься да по улице сделать пару шагов. Так что тортик Лиза принесла быстро. Выбрала тот, что поменьше, с воздушным кремом — они с Устиньей Павловной, ее «подшефной», обе такие любили. И чаепитие продолжилось, только теперь уже в более торжественной обстановке. Поначалу. Потому что потом Устинья Павловна подняла с пола Тусечку, свою собачку, все это время выпрашивавшую торта. И, усадив ее к себе на колени, принялась кормить из руки, отламывая небольшие кусочки.

— Надо было сразу ее за стол посадить, — сказала Лиза насмешливо. — Потому что все равно с самого начала было ясно, что вы не выдержите и, в конце концов, все-таки дадите ей снова сладкого, вредно оно ей там или нет.

— Ну что делать? Ветеринар нам это строго запретил, но ведь отказывать себе в удовольствиях тоже бывает вредно! Да, Тусечка? — умильно спросила пожилая женщина у тоже уже немолодой собачки, с которой на пару они и коротали в этой квартире свой век.

Туся тут же отреагировала на хозяйкины слова: поставила лапки ей на грудь и принялась вылизывать лицо, преимущественно губы.

Лиза отвела глаза, чтобы только этого не видеть: она не выносила таких сцен.

Бр-р-р! Вот уж гадость!

Хотя в целом собачка Лизе нравилась: хорошенькая, золотистого окраса, с пушистыми ушками и хвостиком, с красивыми большими глазами, словно бы обведенными по краю сурьмой. И, опять же, умница, чисто плотная, спокойная, ненавязчивая, а хозяйку так вообще понимает с полуслова.

— Ну на, на, толстуха ты моя, — сказала Тусе Устинья Павловна, тем самым давая Лизе понять, что они снова вернулись к поеданию торта и что можно спокойно поворачиваться к столу.

Она и повернулась. Улыбнулась, глядя на хозяйку с собачкой. Не зря же говорят, что хозяева со своими питомцами становятся похожи друг на друга в течение жизни! Вот и в этой парочке было что-то неувлимо схожее. Например, то, как Туська ест: даже зная, что пользуется в данный момент хозяйской слабостью, над которой в любой момент может возобладать здравый смысл, собачка делала это очень аккуратно, изящно. Только что губки салфеткой не промокала, как сделала бы это сама Устинья Павловна.

— Ладно, будет с тебя, — здравый смысл все-таки возобладал, и Туська вернулась обратно на пол. Вдохнула почти по-человечески, зная, что повторного счастья не выпадет.

— Что делать, милая? В нашем возрасте уже приходится себя ограничивать, — посочувствовала ей хозяйка. — И кстати, о возрасте... Лизонька, это тебе! Не вздумай отказываться, я уже давно все решила! И я так хочу! — Бархатная коробочка, вы-

тащенная женщиной из кармана, легла на стол. —
Примерь!

Лиза в растерянности застыла перед подарком. Она еще не знала, что там может быть, зато знала, что о коллекции Устиньи Павловны ходят легенды в узком кругу специалистов. Потому что лишь подлинники знатоки могли по достоинству оценить те ювелирные изделия и серию миниатюрных картин на эмали, частью еще и в драгоценной оправе, которые достались женщине по наследству от прадеда. По слухам, незаконного потомка очень знатных кровей. Устинья Павловна не любила об этом говорить, и Лиза поэтому не спрашивала. Но слышала, что коллекция, каким бы путем она ни попала в семью, в самом деле была уникальной. А коробочка, что лежала сейчас на столе, была явно не современной работы.

— Лизонька, я жду! — нетерпеливо напомнила о себе женщина. Потом сама раскрыла коробочку. — И пожалуйста, не заставляй себя уговаривать.

— Устинья Павловна, я не могу! — воскликнула Лиза, увидев лежащие на бархате серьги. Действительно из коллекции, потому что она видела их в каталоге!

— Что именно ты не можешь? Взять эти побрякушки или обидеть отказом старую больную женщину? Выбор, моя девочка, за тобой!

— Да разве я... — Лиза осеклась, не зная, как продолжить. Потом попробовала начать снова:

— Вы же должны знать, что я просто так к вам прихожу, без всяких корыстных мыслей! Просто

помогаю! Потому что взамен вы, сами того не зная, очень многое мне даете при каждой встрече. Общение с вами — вот главная ценность! В наше время так мало осталось подобных вам людей. И мне так интересно вас слушать!

— Ну так и слушай на здоровье. Тоже бескорыстно. А серьги возьми! Или ты думаешь, я не вижу, что ты представляешь собой? Нет, милая, вижу прекрасно! Именно в этом частично и заключается мудрость: в умении распознать человека. И когда я хочу сделать хорошему человеку подарок, он не должен отказываться, потому что это желание исходит от самого сердца. Давай, примеряй уже, наконец! Мне не терпится на тебя посмотреть!

Лиза решилась.

Вынув из ушей свои серьги, она вдела эти, длинные и тяжелые. Под оценивающим взглядом Устиньи Павловны подошла к зеркалу. Рука сама потянулась подобрать распушенные волосы. И плечи расправились будто сами собой.

Лиза не знала, какая красавица-аристократка могла блистать в этих серьгах больше века назад, но, едва надев их, почувствовала себя причастной к тем далеким временам, к тому сословию.

— Ах, хороша ты, девонька! — одобрила Устинья Павловна. — Я была уверена, что они тебе подойдут!

— Но все же я считаю, что такой подарок — это перебор! — опустив волосы, Лиза развернулась от зеркала, лицом к пожилой женщине. — Он слишком ценен! И потом, возмись я их носить, мне же

их с ушами вырвут в первом же переулке! А у вас скоро ваш Ярик вернется домой, и ему на первое время будут деньги нужны.

— В переулках не носи, это не повседневная вещь. А вот если ты не наденешь их на свою свадьбу, когда, наконец, соберешься замуж пойти, то я тебе этого не прощу. Что же касается Ярослава, то коллекция неприкосновенна для повседневных житейских целей. И вообще, настоящий мужчина должен уметь находить выход из любой ситуации, ни на кого не рассчитывая. А я очень надеюсь на то, что мой внук как раз является настоящим мужчиной. Об этом говорит и та статья, по которой его осудили. Не каждый так смело смог бы расквитаться за оскорбление, нанесенное его девушке.

— Не каждый, — согласилась Лиза.

Да, как она уже знала из рассказов, Ярослав буквально размазал по стенке троих подонков. Но и то, что они совершили до этого, было слишком мягко назвать «оскорблением». Просто воспитанная Устинья Павловна не могла произнести вслух слово «изнасилование», вот и выкручивалась, подыскивая менее отвратительные определения. Однако само преступление от этого менее отвратительным не становилось.

— Он у вас молодец. Таких, как он, не осуждать, а чествовать надо.

— Он у меня дурачок, — женщина тяжело, с надрывом вздохнула. — Потому что кто-кто, а эта девица не стоила таких жертв. И трех лет после его ареста не продержалась, выскочив замуж! В то

время как он сел исключительно из-за нее! А ведь я ему говорила, еще когда они только начинали встречаться, что не пара она ему. Ну не по душе она мне была, хоть убей! Но Ярик, не обладая мудростью своей бабки, и слышать ничего не хотел! Он у меня такой, человек крайностей: либо ничего, либо все. И в чувствах так же: редко к кому привязывался, но уж если к кому-то оказывался равнодушен, то все до последней капли крови готов был отдать. И уж чем она его приворожила к себе? Не знаю, не знаю. Не в его обычаях было размениваться на ширпотреб, а тут вдруг что-то на него нашло. Может, и впрямь приворожила?

Не зная, что на это ответить, Лиза лишь легонько пожала плечами в ответ. Серьги закачались от этого движения, напоминая ей о себе. Она аккуратно сняла их, чтобы положить обратно в коробочку — украшение и в самом деле было не повседневное. А Лизе еще предстояло с ним возвращаться домой. На такси теперь, разумеется, но все равно...

— Я там, на крышечке, с внутренней стороны, сделала тебе дарственную надпись, — сообщила ей Устинья Павловна. — Чтобы ты меня помнила, не забывала. Ну и просто читала мои пожелания всякий раз, как откроешь, — говорят, мысль материализуется, вот и будем внедрять этот метод в практику.

— Спасибо, — Лиза улыбнулась, прочитав то, что пожилая женщина написала ей какими-то специальными чернилами, своим красивым, каллиграфическим почерком на светлой подкладке из шелка. — Огромное спасибо вам за эти слова.

Но вот сам подарок... Устинья Павловна, мне не по себе от такого!

— Раз не по себе, то убери его в сумочку! — потребовала Устинья Павловна. — Чтобы не попыталась его забыть на столе, а то с тебя станется! Эти серьги твои, окончательно и бесповоротно, и это больше не обсуждается, если только ты не хочешь меня обидеть! И еще, Лизонька, квитанции мои заодно заберешь, пока я о них помню?

— Конечно! — под пристальным вниманием пожилой женщины Лиза сунула в раскрытую сумочку бархатный футляр.

Она по-прежнему считала, что не должна принимать такой безумно дорогой подарок, но именно сейчас не видела возможности от него отказаться мирным путем. Решила, что позже попробует это сделать в более подходящее время. Вслед за футляром в сумочку отправился конверт с платежками и деньгами.

— Послезавтра заплачу все и занесу вам вечером корешки. А вы подумайте, не надо ли вам будет что-то купить по дороге, и, если что, звоните.

2

Устинья Павловна не позвонила, но Лиза особо и не ждала ее звонка: крупные покупки женщине требовалось совершать очень редко, а за мелкими она спускалась и сама, благо все магазины были у нее фактически под боком. Не было рядом только

сберкассы, отчего Лиза и забирала у нее квитанции, чтобы по ним заплатить за квартиру и прочие услуги.

Заплатив, позвонила, договорилась о том, что встретится с женщиной на улице: та как раз выходила выгулять свою растолстевшую Тусечку. О самом месте встречи можно было не договариваться: возле дома Устиньи Павловны был единственный небольшой пятачок зеленых насаждений, который, за неимением ничего лучшего, гордо именовался местным парком.

Там они и гуляли: хозяйка впереди, а собачка, давно приученная к лотку и вообще не понимающая смысла этих прогулок, обычно плелась за ней следом, даже без поводка, потому что не было смысла ее привязывать. Туся была для этого слишком послушной и неторопливой собачкой.

Иногда она немного отставала, чтобы обнюхать-таки какую-нибудь особенно интересную веточку, потом так же неторопливо топала к хватившейся ее и остановившейся в ожидании хозяйке.

Лиза не была уверена в том, что такие прогулки помогут Тусечке похудеть, но утверждать, что от них нет вообще никакой пользы, тоже было нельзя. Поэтому она, как медсестра, сама рекомендовала их Устинье Павловне: никому еще не вредили умеренные движения на относительно свежем городском воздухе.

Насколько Лиза знала, раньше женщина жила в старом районе города, богатом настоящими парками и застроенном исключительно старинными

домами. Но потом Устинья Павловна отчего-то разменяла свою роскошную квартиру на тот небольшой «скворечник» в современной многоэтажке, в котором жила сейчас. Почему она это сделала, Лиза не знала и предпочитала не спрашивать, заметив, что женщине неприятны даже упоминания на эту тему.

Оставалось только догадываться, что всему виной был ее непутевый племянник, о котором Устинья Павловна всегда говорила с неприязнью. Чем именно он ей не угодил, сказать было трудно. Сама Лиза видела его лишь раз, когда он навещал свою тетку в больнице, в хирургии, где Лиза работала медсестрой. Там они, кстати, с Устиньей Павловной и познакомились, и было это что-то около трех лет назад. А племянник, попавшийся Лизе на глаза всего только раз, произвел на нее впечатление эдакого ухоженного и ни в чем не желающего себя ограничивать ловеласа лет пятидесяти. Женщины обычно таких либо очень любят, либо терпеть не могут. Устинья Павловна, хоть и тетка ему, но тоже особа женского пола, явно была в числе последних. И Лиза, почти его не зная, отчего-то была готова к ней присоединиться. Хотя по большому счету ее никак не касались эти отношения. Просто, проникнувшись симпатией к Устинье Павловне, а потом и сдружившись с ней и принявшись ездить к ней домой после ее выписки из больницы, чтобы чем-то помочь, Лиза не могла оставаться от них совсем в стороне.

Оказавшись «в парке», Лиза принялась высматривать среди кустов и среди других гуляющих